

УДК 94(470.5)''18/19'':323.332(045)

*Ю.Д. Коробков***ПРОБЛЕМА СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ОБЛИКА ГОРНОЗАВОДСКИХ РАБОЧИХ УРАЛА НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВЕКОВ В КОНЦЕПЦИИ М. А. ФЕЛЬДМАНА И С. П. ПОСТНИКОВА**

После временного снижения исследовательского интереса к истории рабочего класса России и его региональных отрядов в 90-е гг. XX в. последовало его возрождение в начале XXI в. прежде всего к тем аспектам, которые раньше оставались на периферии научного пространства или являлись дискуссионными. Большой вклад в их изучение внесли уральские историки М. А. Фельдман и С. П. Постников, работы которых справедливо считаются крупным достижением современной уральской историографии. Вместе с тем, ряд тезисов учёных, на наш взгляд, нуждается в корректировке и дополнительном обосновании. Решению этой задачи посвящена данная статья. Рассмотрению и критической оценке были подвергнуты положения об отсутствии социально-классового единства горнозаводских рабочих Урала и политическом расколе между его отдельными категориями, определение политических взглядов рабочих индустриальной эпохи, к которым авторы относят рабочих казённой промышленности, как реформистских, и другие, более частные вопросы. В результате анализа сделан вывод о том, что существовавшие различия между отдельными категориями уральских рабочих не дают основания отрицать единство их социокультурного и ментального пространств, типичных для всех способов социальной рефлексии и общих моделей поведения. Это вызывает необходимость дальнейшего изучения данной проблематики.

Ключевые слова: рабочие, горнозаводской Урал, политические взгляды, реформизм, консерватизм, революция.

DOI: 10.35634/2412-9534-2020-30-1-58-66

Сложный и противоречивый характер процесса формирования горнозаводских рабочих Урала в особую социальную группу, обусловленный консервацией вплоть до 1917 г. окружной системы, создал непростую историографическую ситуацию в определении их социальной природы. Вплоть до настоящего времени эта проблема по-разному решается специалистами. В зависимости от той или иной трактовки социально-экономической природы уральской промышленности облик уральского рабочего либо определяется как пролетарский [6; 9], либо как незавершённый в аспекте формирования классовых черт уральских рабочих [5; 4; 1; 3; 16].

К одним из самых заметных исследований в новейшей историографии рабочего класса Урала относятся работы М. А. Фельдмана и С. П. Постникова. В основе их точки зрения лежит тезис о существовании имущественного, культурного и политического раскола между различными категориями горнозаводских рабочих Урала как ведущего фактора их производственной и бытовой повседневности, и определяющего различные поведенческие модели [27].

Не отрицая наличия правовых, имущественных, производственных и бытовых отличий, мы считаем, что общий строй жизни в заводских поселениях, формат повседневности, связь с землёй, влияние обязательственных отношений, общие традиции и обычаи, по определению Н. Н. Алеврас, локальной культуры горнозаводского Урала, сформировали *сходство социальной психологии* уральских рабочих, *типичные способы их социальной рефлексии* вне зависимости от специфики правового положения и ведомственной принадлежности.

Среди особенностей оригинального строя уральской жизни, определявших общие жизненные практики местного населения, выделим постоянные и разнообразные контакты горнозаводских рабочих с окружавшим заводы сельским населением. Состав вспомогательных рабочих во многом формировался за счёт крестьян, которые, постоянно вращаясь в заводской среде, были непосредственным резервом и каналом для пополнения постоянного состава уральского рабочего класса. Многие из крестьян на время заводской работы «становились на постой с квасом» в рабочих посёлках при заводах. Эти «наквасники» месяцами были связаны с рабочими не только в процессе производства, но и в быту, и, находясь под этим влиянием, в свою очередь влияли на рабочую среду [20, с. 104].

В уездах горнозаводской полосы Урала, особенно в волостях, где располагались заводы, сельское население и рабочие жили совместно в одних селениях, в общих административно-волостных единицах, все вопросы повседневной жизни решались их жителями на сельских и волостных сходах, обсуждавших «сплошь и рядом заводские дела» [12, с. 295]. Объединяли их не только закреплённые в

«уставных грамотах» связи и отношения, общие интересы в борьбе со «своими» заводчиками, но и общее происхождение, традиции и обычаи, в значительной мере определявшие психический склад личности бывших «горнозаводских крестьян».

Образ жизни и быт рабочих в конце XIX — начале XX в. вне зависимости от возраста предприятия, его величины, технической оснащённости и типа собственности, оставался схожим. Об этом, в частности, много свидетельств современников в отношении Верх-Исетского, Нижне-Тагильского, Лысьвенского, Мотовилихинского, Златоустовского, Ижевского, Воткинского, других уральских заводов. Они отмечали, что основная масса рабочих по-прежнему живёт в домах старого деревенского типа и имеет полукрестьянский характер хозяйства, типичные компоненты которого — огород, покос, домашний скот, земельные наделы. Вместе с тем этнографы указывают и на факты перестройки с 1870-х гг. их потребительских стандартов, выражавшейся в отходе рабочих от крестьянских образцов и в ориентации их на особенности быта и образа жизни заводских служащих и горожан [17, с. 48, 89].

Общим для рабочих горнозаводского Урала в данный период был процесс групповой самоидентификации, который происходил на предприятиях любой ведомственной принадлежности. Его типичными проявлениями были осознание себя особой социальной группой, дистанцирование от ближайшего социального окружения (крестьянство, заводская администрация), гордость своей профессиональной принадлежностью и нежелание её менять. В документах, вышедших из рабочей среды, постоянно указывается на «кровное родство» рабочих с «огневой» работой, несмотря на её очевидную тяжесть. В прошении рабочих Ижевского завода от 11 апреля 1885 г. подчёркивалось, что их поколение «так и останется фабричными» и главное для них — работа на фабрике [24, с. 430]. В прошении рабочих литейного цеха Каменского завода от 29 ноября 1888 г. говорилось о «насуточной потребности» работать на заводе [21, с. 276]. Рабочие мартеновского цеха Нижне-Тагильского завода в августе 1891 г. говорили, что их профессия, помимо овладения технической стороной дела, требует сноровки, выдержки, осмысленного отношения к процессу производства, поэтому «не каждый, кто обладает физической силой и умением трудиться, способен успешно выполнять нашу огневую работу» [24, с. 435].

Общей чертой социальной психологии уральских рабочих и частновладельческих, и казённых предприятий был консерватизм, как приверженность патриархальной системе отношений в рамках «своего» завода или горного округа. Его типичными проявлениями в конце XIX в. было недовольство мастеровых ликвидацией государственной и частной опеки над ними, которая составляла основу их отношений с предприятиями до 1861 г., и регулярные апелляции рабочих к властным структурам с целью предотвращения массового сокращения производства. В многочисленных прошении рабочие уральских заводов просили заводоуправления о наделении землёй, о бесплатном отпуске леса, о призрении «от владельца престарелых и увечных мастеровых». Типичным примером является заявление цеховых депутатов Златоустовского заводского товарищества от 11 ноября 1896 г., содержавшее просьбу оплаты заводом земских дорожных повинностей рабочих; бесплатного лечения за счёт завода членов рабочих семей, открытия бесплатной школы, предоставления покосов «беспокойным» [24, с. 250].

Рабочие были уверены, что заводоуправления обязаны предоставить им необходимый для содержания семей объём работ и потому считали иной порядок вещей «колоссальной несправедливостью», постоянно обращаясь к администрации, в вышестоящие инстанции с требованиями и просьбами предоставления им полной занятости. «Ужели то самое правительство, которое целое столетие заботилось о нас... не поможет нам вновь?», — спрашивали в своём прошении 18 апреля 1895 г. рабочие Ижевского завода. В обобщённом виде суть этих предложений, которые в августе 1891 г. в докладной записке сформулировали рабочие мартеновского цеха Нижне-Тагильского завода, сводилась к обеспечению труда рабочего «настолько, чтобы рабочий вместе со своей семьёй не имел нужды в удовлетворении первых и настоятельных жизненных потребностей» [24, с. 238].

Ещё одним свидетельством консервации уральскими рабочими патриархальной системы как попытки приспособления к новым условиям производства является массовая практика *отказа от введения расчётных книжек* на уральских заводах. Главной причиной такой рефлексии рабочих и казённых, и частных заводов было включение в них пунктов об обязанностях рабочих и ответственности за их невыполнение. На это, в частности, указывает горный начальник Златоустовского завода, объясняя стойкое нежелание своих рабочих принимать новые расчётные книжки в 1903 г., приведшее в итоге к Златоустовской бойне [32, ф. 187, оп. 1, д. 35, л. 593]. Рабочие Ревдинского завода, по оценке заводоуправления, вообще не желали «связывать себя никакими обязательствами» [28, ф. 74, оп. 1, д. 316, л. 76].

Общей чертой производственно-бытового ландшафта горнозаводского Урала была низкая мобильность уральских рабочих и привязанность к своему заводу. Серьёзную роль в её формировании играл фактор размещения производств, находящихся в собственности одного владельца на больших расстояниях друг от друга, что практически снимало проблему конкуренции между рабочими разных хозяев. В случае конфликта с заводоуправлением рабочий должен был искать работу на предприятии другого владельца, находящемся за сотни вёрст от родного места. При этом размер заработной платы на новом месте не покрывал издержек рабочего, связанных с его переездом. В совокупности с наличием своего хозяйства это резко ограничивало «миграционный потенциал» уральских рабочих. Как отмечалось в прошении рабочих Молебского завода от 8 марта 1892 г., «уйти для них в поисках работы на дальнее расстояние и оставить свои семьи без куска хлеба нет никакой возможности, чтобы не разорить последнее вконец своё хозяйство» [28, ф. 1291, оп. 70, д. 280, л. 16].

К тому же, в целях обеспечения себя бесконкурентной средой, заводовладельцы запрещали местному населению заниматься кустарными промыслами и заводить своё дело. Немногочисленные примеры межзаводской миграции в пореформенный период общей картины не меняли, а с учётом того, что эти попытки нередко заканчивались неудачно, это вело к ещё большей консервации низкой мобильности, но уже на других психологических основаниях. Теперь оседлость рабочих определял страх потерять своё насиженное гнёздышко, работу, средства к существованию, оказаться в категории «изгоев-пришлых», и они годами перебивались случайными заработками, питая «надежду, — как писали в 1881 г. рабочие Воткинского завода, — рано или поздно быть на заводской работе» [28, ф. 1291, оп. 70, д. 280, л. 17].

Сходные поведенческие модели рабочих наблюдаются и в процессе их межгруппового взаимодействия с представителями заводской администрации. Стабильным фоном многих социальных конфликтов на уральских заводах и в дореформенный период, и после отмены крепостного права, и в начале XX в. были факты насилия или угрозы его применения по отношению к представителям администрации.

Их массовый взрыв произошёл в годы первой российской революции, когда под влиянием революционной свободы, ощущения вседозволенности и безнаказанности, сложного характера социальной адаптации к модернизационным процессам в условиях кризисного состояния уральской металлургии предшествующий социальный опыт привёл к взрыву таких протестных форм традиционного общества, как бунты, погромы, убийства. Как отмечал Горный департамент, уровень насилия на уральских заводах превышал общероссийские параметры [28, ф. 37, оп. 75, д. 788, л. 31]. О росте неуправляемого насилия и страхе уральской буржуазии перед «бурными формами» рабочего движения писала в ноябре 1905 г. и социал-демократическая пресса.

Другая особенность отношений с администрацией — обычай публичного изгнания и коллективного осмеяния их представителей посредством «вывоза на тачке» и «обувания в лапти». В 1902 г. горному начальнику Воткинского завода Трояну предлагали «надеть лапти, совали к самому лицу кусок хлеба из горькой муки, заставляли курить папиросу из махорки» [19, с. 77]. В 1905 г. рабочие снарядного цеха Мотовилихинского завода «накинулись на своего управителя горного инженера Сеппайна, начали скопом выводить его из цеха; выпроваживая, надели на него лапти и до вывода за стены завода в лицо бросали грязью...» [10, ф. 165, оп. 1, д. 113, л. 115]. Управляющего Чермоозским заводом Пивинского «одели в лапти и дерюгу, водили по заводу, подводили к проруби, заставили подписать и согласиться на их требования. Спустя некоторое время лаптями, дерюгой и прорубью угрожали помощнику управляющего Добрянского завода Волегову, водили по заводу двух горных инженеров Златоустовского завода» [28, ф. 74, оп. 1, д. 316, л. 172].

Подобные социальные конфликты не были направлены против основ существующего порядка, а свидетельствовали о стремлении рабочих к консервации привычного локального социума и образа жизни, и в определённой мере их можно рассматривать как разновидность «учи» по отношению к неугодным им администраторам в рамках привычной патриархально-патерналистской системы отношений.

Рабочих уральских предприятий объединяли и общие модели производственного поведения. К ним, в частности, относится невысокий уровень трудовой дисциплины, пики падения которой приходились на революционные периоды, о чём говорилось в решениях совещаний и съездов уральских промышленников, в частных заявлениях лиц заводской администрации и представителей Уральского горного управления. Их общую позицию отражает резюме горного начальника Камско-Воткинского

горного округа в ноябре 1906 г., который связывал общее понижение продуктивности труда с массовым участием рабочих в постоянных совещаниях по «вопросам освободительного движения или оппозиции ему» [28, ф. 37, оп. 58, д. 371, л. 55].

Ситуация ещё более обострилась в 1917 г. На заседании Златоустовского Совета 7 апреля отмечалось, что «многие рабочие уходят с работы раньше смены, настойчиво просят пропуск от мастеров, не имея к тому важных причин» [14]. Вопрос о прогулах специально рассматривался на общем заседании Мотовилихинского Совета 5 апреля 1917 г. Исходя из того, что они «являлись следствием неосознанности или даже злонамеренности» рабочих было принято решение вернуться к мерам дисциплинарного воздействия, которые применялись при старом режиме и против которых рабочие тогда активно выступали [22]. Целая система наказаний за нарушение производственной дисциплины была разработана на собрании рабочих Богословского медного завода 31 июля 1917 г. Помимо штрафов и увольнений за опоздания и прогулы вводилась очерёдность увольнения на страду, запрещалось уходить из цеха раньше времени без уважительных причин, преследовались «всякие оскорбления или угрозы по отношению к должностным и выборным лицам», за «всякие хулиганские деяния» могла последовать отправка на фронт и «увольнение с соответствующей аттестацией» [28, ф. 37, оп. 75, л. 782, л. 8].

Ещё одной общей чертой социальной психологии уральских рабочих было их отношение к собственности. В рамках горноокружной системы нагляднее всего её характеризуют история поземельных отношений в пореформенный период и специфика взаимосвязи рабочих со своими заводами. Анализ документов показывает, что главным принципом решения земельного вопроса для уральских рабочих было стремление приобрести земельные наделы, которые они рассматривали как страховой полис на чёрный день. Получив по инструкции 1877 г. право свести в надел все земли, находившиеся в их пользовании, рабочие казённых заводов, по свидетельству Горного управления, «стали предъявлять такие требования на заводские земли и леса, при удовлетворении коих заводы лишились бы всякой возможности продолжить своё действие...» [28, ф. 1291, оп. 66, д. 27, л. 114]. Такая же рефлексия отличала и рабочих частных заводов. Как отмечалось в докладе министра земледелия и государственных имуществ от 6 ноября 1895 г., они «до сих пор продолжают считать всю заводскую землю своей собственностью и не желают входить в какие бы то ни было соглашения» [28, ф. 1291, оп. 66, д. 27, л. 118]. В основе таких представлений, как отмечал известный ураловед И. Х. Озеров, лежала искренняя вера рабочих в то, что земли, которые «переходили из поколения в поколение от отца к сыну, обменивались, перепродавались», принадлежат им по праву давности.

Такой же стереотип определял отношение рабочих к заводам, чьё материальное богатство было результатом труда многих поколений мастеровых. Этот, по выражению А. Н. Митинского, «социалистический взгляд на заводы», определялся, прежде всего, их убеждённостью в полных правах на заводскую собственность, которая, создавалась и приумножалась трудом рабочих. Как говорили рабочие Златоустовского завода в ноябре 1905 г., здание Арсенала, «построенное их дедами и отцами, несомненно, должно принадлежать самим рабочим» [11, ф. 24, оп. 16, д. 1049, л. 15]. Во время волнений на Кыштымском заводе в ноябре 1905 г. рабочие утверждали, что все заводы являются их собственностью, т. к. «они давно отработали их владельцам» [7, с. 816].

Социокультурный облик горнозаводских рабочих Урала характеризуют и общие для них стратегии выживания. Одними из наиболее типичных и массовых форм адаптационной активности уральских рабочих были разнообразные попытки минимизировать влияние кризиса горнозаводской промышленности и связанного с ним падения уровня жизни путём улучшения производственных показателей своих предприятий [33, р. 1219]. Они варьировались от предложений по рационализации и оптимизации производства до передачи заводов в казённое управление или под контроль самих рабочих, которые, как отмечал съезд горнопромышленников Урала в марте 1906 г., были уверены в том, что в случае перехода заводов в их руки «они поставили бы дело на более рациональную почву и избежали бы затрат на дорогую высшую администрацию» [28, ф. 81, оп. 1, д. 233, л. 2].

Особенно массовый характер такая практика приняла весной 1917 г., что во многом определялось влиянием общеполитической ситуации в стране. Рабочие Мотовилихинского завода предлагали организовать производство изделий для деревни [23]. По сообщению «Известий» Уралсовета в мае 1917 г., несмотря на уход администрации Сосьвинского завода и создание ею искусственных препятствий для ведения производства, рабочие под руководством Совета организовали бесперебойную работу, образцовую тишину и спокойствие [15]. Узнав, что причинами низкой производительности труда на Холуницких заводах являются недостаток рабочих рук и плохая работа военнопленных в

Климковских рудниках, рабочие сами вышли на добычу руды, увеличив её втрое. Как отмечала «Вятская речь», они верили, «что снова закипит жизнь в спавшем до того 7 лет крае» [8].

В начале XX в. происходят изменения в правовом положении уральских рабочих. Как убедительно показал В. Г. Железкин, ведущей тенденцией этого процесса стало выравнивание правового положения рабочих различных отраслей и предприятий различного юридического статуса путём распространения законоположений, касавшихся одной категории рабочих, на другие группы [13, с. 122, 123]. На наличие данных тенденций указывал ранее и М. А. Фельдман, говоря об определённом, достаточно хрупком равновесии между различными социальными слоями рабочих и сближении их положения в годы первой мировой войны [30, с. 156, 160].

К числу других концептуальных подходов авторов относится характеристика политических взглядов рабочих индустриальной эпохи, к которым они относят рабочих казённых заводов, как реформистских [26, с. 172]. Однако их доказательная база позволяет усомниться в категоричности подобного утверждения.

Одним из аргументов авторы называют круг чтения рабочих казённых предприятий, включавший запрещённые произведения русской литературы [26, с. 175]. Между тем, подобные читательские пристрастия способствуют формированию не только реформистских, но и, возможно в большей степени, радикальных взглядов.

Упрочению реформистских предпочтений рабочих казённых заводов, по мнению М. А. Фельдмана, способствовало и то, что в годы первой мировой войны они оставались дома, «в своих семьях, что подталкивало их к широкому кругу взаимодействия с заводской администрацией» и другими властными структурами [31, с. 214]. Непонятно тогда, почему же такая ситуация не способствовала формированию подобных взглядов у не призванных в армию рабочих частновладельческих предприятий, которые тоже оставались дома и взаимодействовали с управленческим персоналом различного уровня.

Для доказательства антибольшевистских взглядов ижевских рабочих авторы ссылаются на введённый О. С. Поршневой в научный оборот документ, указывающий на их стремление «накопить грошей, выстроить двухэтажный домик и обеспечить себе старость по “сберегательной”» [25, с. 317]. Между тем, такая характеристика, в терминологии большевиков — мелкобуржуазная, а в литературе — обывательская, присущая всем категориям уральских, российских, зарубежных рабочих. Сошлёмся на утверждение Ю. П. Мадора о том, что тяга к собственности, как естественное стремление обывателя, всегда была присуща рабочим и являлась их имманентным качеством [18, с. 186]. Поэтому данный источник скорее свидетельствует о традиционализме и консерватизме ижевских рабочих, нежели об их реформизме. Это в полной мере относится к рабочим других казённых и частновладельческих заводов горного Урала.

Другим свидетельством минимального распространения леворадикальных взглядов среди рабочих казённых горных округов, по мнению авторов, является пример вражды коренных и пришлых рабочих Мотовилихинского завода, следствием которой стал раскол между ними «в области политического сознания» [26, с. 176]. В этой логике коренные мотовилихинские рабочие, как и рабочие других казённых заводов, были носителями реформистских настроений, а пришлые являлись сторонниками леворадикальных взглядов.

Учитывая, что противоречия между коренными и пришлыми рабочими были присущи рабочим всех предприятий горнозаводской промышленности Урала вне зависимости от типа собственности и ведомственной принадлежности, можно сделать вывод, что носителями леворадикальных взглядов на Урале были пришлые рабочие. Между тем, как отмечалось в советской и современной историографии, значительная доля сторонников левых партий на горнозаводском Урале рекрутировалась из числа местных рабочих.

К тому же само понятие *пришлые рабочие*, как справедливо указывалось в дореволюционном ураловедении и в советской историографии, носит достаточно условный характер. Это связано с тем, что на уральских заводах к пришлым относили не только выходцев из других уездов и губерний, но и просто всех не «своих» рабочих, в т. ч. и рабочих соседних уральских заводов, которые, по мнению В. В. Адамова, были такими же «своими». Поэтому, он приходит к выводу, что пришлые не могли оказать серьёзного влияния на образ жизни и психологию местных рабочих. Более того, они сами стремились к ассимиляции с местным населением, приспосабливались к сложившейся обстановке, спешили обзавестись домом, хозяйством и не отличаться от коренных рабочих [2, с. 177–178]. Наконец, в основе

конфликтов между коренными и пришлыми рабочими лежали в первую очередь не политические маркеры, а особенности производственной и бытовой повседневности на горнозаводском Урале.

Спорным, на наш взгляд, является и утверждение о прочности религиозных убеждений как отличительной характеристике рабочих индустриальной эпохи [26, с. 172]. С учётом более высокого общеобразовательного и культурного уровня рабочих казённых предприятий и большей прочности традиционных устоев жизни у рабочих остальных категорий логичней предположить наличие таких взглядов у последних, живших «стародедовскими» традициями и обычаями и имевших более низкий культурный и образовательный уровень, чем индустриальные рабочие.

Вызывает возражения и обоснование причин победы большевиков на выборах в Учредительное собрание на части частновладельческих заводов Южного Урала. Объясняя подобную ситуацию, авторы указывают на фактор «старинных горнозаводских центров» с устоявшейся социальной структурой и наличием земельных наделов у большинства рабочих среднего и северного Урала как препятствия распространению большевистского влияния [26, с. 177]. Однако подобные «старинные горнозаводские центры» были типичными заводскими поселениями на всём горнозаводском Урале, включая и его южные районы.

В целом можно говорить, что системная особенность данной точки зрения, которая критически оценивается рядом специалистов [29, с. 77], — это абсолютизация «межвидовых» различий между отдельными категориями рабочих горнозаводского Урала в ущерб их единому социокультурному и производственно-бытовому пространству. К общим чертам рабочих авторы относят лишь привязанность к своему заводу и наличие своего хозяйства. Тем самым из поля зрения «уводятся» единые ментальные механизмы, автоматизмы сознания и поведения, которые, несмотря на различие бытовых, материальных, социальных, правовых условий жизни и работы различных групп уральских рабочих, определяли общие для них поведенческие установки и способы социально-психологической рефлексии. На наш взгляд, признание того, что различные отряды российского и уральского пролетариата находились на разных этапах перехода от традиционного к индустриальному обществу не должно служить отрицанием единства их социокультурного и ментального пространств, наличия общих механизмов «архаизации» сознания, которые формировали типичные для всех способы социальной рефлексии и общие модели поведения. Тем более, что и сами авторы указывают на «сохранение целого ряда существенных характерных черт дореволюционного рабочего социума в первые годы советской эпохи» [27, с. 92]. Всё это свидетельствует о необходимости дальнейшего исследования данной проблематики.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Адамов В. В.* Об оригинальном строе и некоторых особенностях развития горнозаводской промышленности Урала // Вопросы истории капиталистической России. Свердловск: [б. и.], 1972. С. 227–246.
2. *Адамов В. В.* Особенности формирования горнозаводского Урала // Рабочий класс и рабочее движение в России. М.: Наука, 1966. С. 163–183.
3. *Алеврас Н. Н.* «Уральский кризис» в начале XX века: специфика промышленной субкультуры // Урал в 1917–1921 гг.: актуальные проблемы изучения. Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 1999. С. 165–174.
4. *Белов В. Д.* Кризис уральских горных заводов. СПб.: паров. скоропеч. М. М. Гутзаца, 1910. 301 с.
5. *Буряк Е. М.* Некоторые аспекты состояния промышленности Урала в годы Гражданской войны // Гуманитарно-педагогические исследования. Т. 1. № 2. С. 52–58.
6. *Быстрых Ф. П.* Формирование промышленного пролетариата на Урале // Материалы научной сессии вузов Уральского экономического района. Свердловск: [б. и.], 1963. С. 28–46.
7. Высший подъём революции 1905–1907 гг. Вооружённое восстание. Ч. 2. М.: Наука, 1955. 1285 с.
8. Вятская речь. 1917. 17 сент.
9. *Гаврилов Д. В.* Рабочий класс Урала в период домонополистического капитализма. 1861–1900. М.: Наука, 1985. 302 с.
10. Государственный архив Пермской области (ГА ПО).
11. Государственный архив Свердловской области (ГА СО).
12. *Гуськова Г. К.* Облик рабочих Урала // Российский пролетариат: облик, борьба, гегемония. М.: Наука, 1970. С. 293–316.
13. *Железкин В. Г.* Изменения в правовом положении рабочих Урала в период империализма (1900–1917) // Промышленность и рабочие Урала в период капитализма (1861–1917). Свердловск: УрО АН СССР, 1991. С. 109–125.
14. Известия Златоустовского Совета рабочих депутатов. 1917. 4 апр.

15. Известия Уральского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 3 мая.
16. Коробков Ю. Д. Социальный облик горнозаводских рабочих Урала в пореформенный период: особенности формирования и определения // Проблемы российской истории. М., Магнитогорск: ИРИ РАН; МаГУ, 2010. Вып. X. С. 5–17.
17. Крутянская В. Ю., Полищук Н. С. Культура и быт рабочих горнозаводского Урала (конец XIX — начало XX вв.). М.: Наука, 1971. 238 с.
18. Мадор Ю. П. Немецкий рабочий: образ мира и общества // Одиссей. Человек в истории. М.: Наука, 1995. С. 168–187.
19. Металлисты Урала накануне и в период 1905 г. Свердловск: Изд-во Уралобкома Всерос. союза металлистов, 1926. 206 с.
20. Митинский А. Н. Горнозаводской Урал. СПб.: Тип. Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1909. 244 с.
21. Немирович-Данченко В. И. От Камы до Урала (очерки и впечатления). СПб.: Изд-во П. П. Сойкинъ, 1904. 448 с.
22. Пермская жизнь. 1917. 16 апр.
23. Пермская жизнь. 1917. 30 сент.
24. Положение рабочих Урала во второй половине XIX — начале XX в. 1861–1904 гг. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 665 с.
25. Поршинева О. С. Между Красными и Белыми: политические практики рабочих Урала в условиях Гражданской войны // Революция 1917 г. в России: события и концепции, последствия и память. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2017. С. 315–324.
26. Постников С. П., Фельдман М. А. Социальные трансформации и социо-культурный уровень рабочих Урала в первые десятилетия XX века // Социальные трансформации в российской истории: доклады междунар. науч. конф., Екатеринбург, 2–3 июля, 2004 г. Екатеринбург; М.: Академкнига, 2004. С. 169–182.
27. Постников С. П., Фельдман М. А. Социокультурный облик промышленных рабочих Урала (1900–1941). Екатеринбург: УРО РАН, 2006. 476 с.
28. Российский государственный исторический архив (РГИА).
29. Урал в контексте российской и мировой истории XX века: историографическая концептуализация. Екатеринбург: Изд-во «Сократ», 2017. 391 с.
30. Фельдман М. А. Рабочие Урала в преддверии и в годы революции и гражданской войны: приобретения и потери // Урал в событиях 1917–1921 гг.: актуальные проблемы изучения. Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 1999. С. 151–166.
31. Фельдман М. А. Структуры власти и рабочие на Урале к 1917 г. (историографический и исторический аспекты) // Вопр. управления. 2009. Вып. 2 (7). С. 212–218.
32. Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан (ЦГИА РБ).
33. Yuri Korobkov, Svetlana Velikanova, Natalia Kozhushkova. Social and economic adaptation of mining workers of the Urals region in the late of the 19th — the beginning of the 20th century. The Turkish Online Journal of Design, Art and Communication. April 2017, pp. 1219–1226.

Поступила в редакцию 12.09.2019

Коробков Юрий Дмитриевич, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории
ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова»
455023, Россия, г. Магнитогорск, пр. Ленина, 38
E-mail: n.kyakkinen-56@yandex.ru

Yu.D. Korobkov

SOCIO-CULTURAL IMAGE OF MINING WORKERS OF THE URALS

AT THE TURN OF XIX–XX CENTURIES IN THE CONCEPT OF M. A. FELDMAN AND S. P. POSTNIKOV

DOI: 10.35634/2412-9534-2020-30-1-58-66

After a temporary decline in research interest in the history of the Russian working class and its regional groups in the 1990s, it was revived at the beginning of the 21st century, primarily in those aspects that were previously on the periphery of the scientific space or were controversial. The Urals historians M. A. Feldman and S. P. Postnikov, whose works are rightly considered a major achievement of modern Ural historiography, made a great contribution to their study. At the same time, a number of scientists' theses, in our opinion, need adjustment and additional substantiation. This article is dedicated to solving this problem. The provisions on the absence of social and class unity of the mining workers of the Urals and the political split between its individual categories, the definition of political views of workers of the industrial era, to which the authors class workers of the industry, as reformist, and other issues (more private ones) were

subjected to consideration and critical assessment. As a result of the analysis, it was concluded that the existing differences between certain categories of Ural workers are not the basis for denying the unity of their socio-cultural and mental space, typical of all methods of social reflection and general behavior patterns. This indicates a need for further study of this issue.

Keywords: workers, mining Ural, political views, reformism, conservatism, revolution.

REFERENCES

1. *Adamov V. V.* Ob original'nom stroe i nekotorykh osobennostiah razvitiia gornozavodskoi promyshlennosti Urala [About the original structure and some features of development of the mining industry of the Ural]. *Voprosy istorii kapitalisticheskoi Rossii* [Questions of the history of capitalist Russia]. Sverdlovsk [n. a.], 1972, pp. 227–246. (In Russian).
2. *Adamov V. V.* Osobennosti formirovaniia gornozavods kogo Urala [Features of the formation of the mining Urals]. *Rabochii klass i rabochee dvizhenie v Rossii* [The working class and the labour movement in Russia]. Moscow, "Nauka" Publ., 1966, pp. 163–183. (In Russian).
3. *Alevras N. N.* "Ural'skii krizis" v nachale XX veka: specifika promyshlennoi subkul'tury ["Ural crisis" in the early 20th century: the specifics of the industrial subculture]. *Ural v 1917–1921 gg.: aktual'nye problemy izucheniya* [Ural in 1917–1921: current problems of study]. Chelyabinsk, Chelyabinsk State University Press, 1999, pp. 165–174. (In Russian).
4. *Belov V. D.* Krizis ural'skih gornyh zavodov [The crisis of the Ural mountain plants]. Saint Petersburg, "Parovaya skoropechatnya M. M. Gutzatsa" Publ., 1910, 301 p. (In Russian).
5. *Buryak E. M.* Nekotorye aspekty sostoyaniya promyshlennosti Urala v gody Grazhdanskoy vojny [Some aspects of the state of the Urals industry during the Civil War]. *Gumanitarno-pedagogicheskie issledovaniya* [Humanitarian and pedagogical research], vol. 1, no. 2, pp. 52–58. (In Russian).
6. *Bystrykh F. P.* Formirovanie promyshlennogo proletariata na Urale [Formation of the industrial proletariat in the Urals]. *Materialy nauchnoi sessii vuzov Ural'skogo ehkonomicheskogo raiona* [Materials of the scientific session of universities of the Ural economic region]. Sverdlovsk [n. a.], 1963, pp. 28–46. (In Russian).
7. *Vysshii pod'em revolyucii 1905–1907 gg. Vooruzhennoe vosstanie. Ch. 2.* [The highest rise of the revolution of 1905–1907. Armed uprising. Vol. 2]. Moscow, "Nauka" Publ., 1955, 1285 p. (In Russian).
8. *Vyatskaya rech'* [Vyatka speech], 1917, Sept. 17. (In Russian).
9. *Gavrilov D. V.* Rabochii klass Urala v period domonopolisticheskogo kapitalizma. 1861–1900 [The working class of the Urals in the period of monopoly capitalism. 1861–1900]. Moscow, "Nauka" Publ., 1985, 302 p. (In Russian).
10. Gosudarstvennyi arhiv Permskoi oblasti (GA PO) [The State Archive of Perm Region]. (in Russian, unpublished).
11. Gosudarstvennyi arhiv Sverdlovskoi oblasti (GA SO) [State archive of the Sverdlovsk region]. (in Russian, unpublished).
12. *Gus'kova G. K.* Oblik rabochih Urala [The appearance of the workers of the Urals]. *Rossiiskij proletariat: oblik, bor'ba, gegemoniya* [The Russian proletariat: shape, struggle, hegemony]. Moscow, "Nauka" Publ., 1970, pp. 293–316. (In Russian).
13. *Zhelezkin V. G.* Izmeneniia v pravovom polozhenii rabochih Urala v period imperializma (1900–1917) [Changes in the legal status of workers in the Urals during imperialism (1900–1917)]. *Promyshlennost' i rabochie Urala v period kapitalizma (1861–1917)* [Industry and workers of the Urals in the period of capitalism (1861–1917)]. Sverdlovsk, Ed. of the Ural Branch of the Academy of Sciences of the USSR, 1991, pp. 109–125. (In Russian).
14. *Izvestiya Zlatoustovskogo Soveta rabochih deputatov* [News of Zlatoust Council of workers' deputies], 1917, April 4. (In Russian).
15. *Izvestiia Ural'skogo Soveta rabochih i soldatskih deputatov* [News of the Ural Council of workers' and soldiers' deputies], 1917, May 3. (In Russian).
16. *Korobkov Yu. D.* Social'nyi oblik gornozavodskih rabochih Urala v poreformnyi period: osobennosti formirovaniia i opredeleniia [The social image of mining and metallurgical workers of the Urals in the post-reform period: the features of formation and definition]. *Problemy rossiiskoi istorii* [Problems of Russian history]. Moscow, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences; Magnitogorsk, Magnitogorsk State University, 2010, issue X, pp. 5–17. (In Russian).
17. *Krupianskaya V. Yu., Polishchuk N. S.* Kul'tura i byt rabochih gornozavodskogo Urala (konec XIX — nachalo XX vv.) [The culture and life of metallurgical workers of the Urals (the end of 19th — beginning of 20th centuries)]. Moscow, "Nauka" Publ., 1971, 238 p. (In Russian).
18. *Mador Yu. P.* Nemeckii rabochii: obraz mira i obshchestva [German worker: image of the world and society]. *Odissei. Chelovek v istorii.* [Odysseus. Man in history]. Moscow, "Nauka" Publ., 1995, pp. 168–187. (In Russian).
19. *Metallisty Urala nakanune i v period 1905 g.* [The Metalworkers of the Urals on the eve and in the period 1905]. Sverdlovsk, "Uralobkom of the All-Russian Union of Metalworkers" Publ., 1926, 206 p. (In Russian).

20. *Mitinskij A. N.* Gornozavodskoi Ural [Mining and Metallurgical Urals]. Saint Petersburg, Print. of F. Weisberg and P. Gershunin, 1909, 244 p.
21. *Nemirovich-Danchenko V. I.* Ot Kamy do Urala (ocherki i vpechatleniia) [From the Kama river to the Ural mountains (essays and impressions)]. Saint Petersburg, Ed. of the P. P. Sojkin, 1904, 448 p. (In Russian).
22. Permskaia zhizn' [Perm life], 1917, April 16. (In Russian).
23. Permskaia zhizn' [Perm life], 1917, Sept. 30. (In Russian).
24. Polozhenie rabochih Urala vo vtoroi polovine XIX — nach. XX v. 1861–1904 g. [The situation of workers in the Urals in the second half of 19th — early 20th century. 1861–1904]. Moscow, Leningrad, Ed. of the Academy of Sciences of the USSR, 1960, 665 p. (In Russian).
25. *Porshneva O. S.* Mezhdru Krasnymi i Belymi: politicheskie praktiki rabochih Urala v usloviiah Grazhdanskoi voiny [Between Red and White: the political practices of the workers of the Urals in the Civil war]. Revoliuciia 1917 g. v Rossii: sobytiia i koncepcii, posledstviia i pamiat'. [Revolution of 1917 in Russia: events and concepts, consequences and memory]. Saint Petersburg, Saint Petersburg State University Press, 2017, pp. 315–324. (In Russian).
26. *Postnikov S. P., Fel'dman M. A.* Social'nye transformacii i socio-kul'turnyi uroven' rabochih Urala v pervye desiatiletii XX veka [Social transformations and socio-cultural level of workers of the Urals in the first decades of the 20th century]. Social'nye transformacii v rossijskoj istorii: doklady mezhdunar. nauch. konf., Ekaterinburg, 2–3 iyulya, 2004 g. [Social transformations in Russian history. Reports of the international scientific conference, Ekaterinburg, July 2–3, 2004]. Ekaterinburg, Moscow, "Akademkniga" Publ., 2004, pp. 169–182. (In Russian).
27. *Postnikov S. P., Fel'dman M. A.* Sociokul'turnyi oblik promyshlennyh rabochih Urala (1900–1941) [Socio-cultural appearance of industrial workers of the Urals (1900–1941)]. Ekaterinburg, Ed. of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 2006, 476 p. (In Russian).
28. Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arhiv (RGIA) [Russian State Historical Archive]. (in Russian, unpublished).
29. Ural v kontekste rossijskoj i mirovoj istorii XX veka: istoriograficheskaia konceptualizaciia [Ural in the context of Russian and world history of the 20th century: historiographical conceptualization]. Ekaterinburg, "Sokrat" Publ., 2017, 391 p. (In Russian).
30. *Fel'dman M. A.* Rabochie Urala v preddverii i v gody revolyucii i grazhdanskoi voiny: priobreteniia i poteri [Workers of the Urals in the run-up to and during the revolution and civil war: gains and losses]. Ural v sobytiiah 1917–1921 gg.: aktual'nye problemy izucheniya [Ural in the events of 1917–1921: actual problems of studying]. Cheliabinsk, Chelyabinsk State University Press, 1999, pp. 151–166. (In Russian).
31. *Fel'dman M. A.* Struktury vlasti i rabochie na Urale k 1917 g. (istoriograficheskie i istoricheskie aspekty) [Power structures and workers in the Urals by 1917 (historiographical and historical aspects)]. Voprosy upravleniia [Management issues], 2009, issue 2 (7), pp. 212–218. (In Russian).
32. Central'nyi gosudarstvennyi istoricheskii arhiv Respubliki Bashkortostan (CGIA RB) [Central State Historical Archive of the Republic of Bashkortostan]. (in Russian, unpublished).
33. *Yuri Korobkov, Svetlana Velikanova, Natalia Kozhushkova.* Social and economic adaptation of mining workers of the Urals region in the late of the 19th — the beginning of the 20th century. The Turkish Online Journal of Design, Art and Communication. April 2017, pp. 1219–1226.

Received 12.09.2019

Korobkov Yu. D., Doctor of History, Professor of the Department of General History
Nosov Magnitogorsk State Technical University
Lenina st., 38, Magnitogorsk, Russia, 455000
E-mail: n.kyakkinen-56@yandex.ru